

УДК 32.001:167+141.72+165.731

Ольга Фредовна Русакова

доктор политических наук, профессор,
заведующая отделом философии
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург
(343) 251-70-58 rusakova_mail@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Автор анализирует следующие методологические подходы к предмету политической философии: позитивистский, ценностный, деонтологический, концептологический, мультипарадигмальный, дискурсивный, структурно-философский.

Предметная область, политическая философия, позитивизм, ценностный подход, деонтологический подход, концепт, концептосфера, парадигма, дискурс, теория феминизма.

В последние годы заметно возрос интерес гуманитарной и научной общественности, теоретиков и идеологов политических партий и движений к философско-политической проблематике. Это выражается прежде всего в значительном росте числа работ, опубликованных представителями различных исследовательских направлений и идейных течений, в которых посредством философско-теоретического анализа рассматриваются политические понятия, концепты, проблемы.

В настоящее время в интеллектуальном пространстве философско-политической мысли сосуществуют и вступают друг с другом в диалогически-дискуссионные отношения различные теоретико-методологические модели предметной области политической философии.

Весь спектр интерпретаций предмета политической философии, связанных с ответами на вопросы, что и как изучает данная дисциплина, в чем состоит ее когнитивная миссия, как она позиционирует себя в системе политических и иных наук, какова ее роль для живой, актуальной политики, можно подразделить на несколько ключевых подходов или методологических позиций. Центральным

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ проект № 09-03-83303а/у.

критерием дифференциации таких позиций для нас является вопрос о том, как авторы трактуют специфику политико-философского анализа политической реальности.

Рассмотрение вопроса об особенностях философско-политического взгляда на политическую реальность предполагает решение, как минимум, трех методологических задач:

1. Выявление способов изучения политической жизни общества, характерных именно для политической философии, то есть рассмотрение тех исследовательских оптик, благодаря которым политико-философский взгляд на политику оказывается отличным от других подходов к изучению политики, к которым обычно прибегают смежные дисциплины.

2. Раскрытие проблемно-тематического ядра политической философии и процесса его трансформаций.

3. Выделение разнообразных теоретико-идеологических комплексов внутри интеллектуального пространства политической философии, которые в своей динамично развивающейся совокупности образуют живую ткань предметной области данной дисциплины.

Попытки ответить на данные вопросы породили множество концепций и дискуссий в литературе второй половины XX – начала XXI в. Многообразные точки зрения на особенности предметной области политической философии, на наш взгляд, можно объединить в семь основных групп, представляющих семь ведущих методологических подходов. К таковым мы относим следующие:

– *позитивистский* подход;

– *ценностный* подход;

– *деонтологический* подход фокусирует внимание на том, что политическая философия решает в первую очередь вопросы о хорошем и плохом политическом правлении, о правильной и неправильной политической практике, о *выборе* социальным субъектом того или иного политического идеала;

– *концептологический* подход ставит в центре внимания политической философии анализ политических концептов как структурированных идеальных образов,

– *мультипарадигмальный* подход рассматривает предметную область политической философии как совокупность разнообразных мировоззренческих и когнитивных установок (парадигм), лежащих в основе того или иного течения политической мысли;

– *дискурсивный* подход выявляет разнообразные типы и дискурсивные особенности политического философствования на основе проведения дискурс-анализа соответствующих текстов и публичных идейно-политических практик;

– *структурно-философский* подход, согласно которому проблемно-тематические блоки, составляющие предмет политической философии, выделяются по аналогии с проблемно-отраслевой структурой и типами современной философии.

Рассмотрим далее более подробно обозначенные методологические подходы, иллюстрируя их высказываниями и умозаключениями известных политических философов современности.

Позитивистский подход. Для позитивистов идеалом научного знания выступают данные точных наук, полученные в результате эмпирических исследований. Позитивисты проводят строгое разграничение между знанием научным и знанием гуманитарным. Научное знание, считают они, носит объективный и беспристрастный характер, поскольку опирается на точные данные, гуманитарное же – субъективно, так как оперирует ценностными суждениями и потому не может претендовать на истинное знание о мире. В перспективе, считают представители данного подхода, все ценностное знание будет заменено научным, эмпирически верифицируемым. Политическая практика, по мнению позитивистов, в конечном итоге будет стремиться к полному исключению из своего теоретического арсенала ценностно ориентированного знания.

Согласно позитивистской точке зрения, ценностно-ориентированная политическая философия не отвечает идеалу научного политического знания, и поэтому время ее сочтено. Идеи политической философии могут представлять интерес разве что для историков политической мысли. Данная точка зрения на предмет политической философии получила широкое распространение в 50–60-х гг. XX в. в американской политической науке, исповедующей бихевиоризм в качестве основного методологического принципа политических исследований, отвечающего требованиям научности. Сторонники бихевиоризма противопоставляли эмпиризм, инструменталистский утилитаризм и прагматизм собственной методологии абстрактным метафизическим политическим теориям, под которыми подразумевалась политическая философия. Джон Ганнел, исследовавший процесс методологического размежевания между сторонниками позитивизма и философского осмысления политики в американской политической науке, отмечал: «Имелась глубокая трещина между «бихевиоралистами»..., которые хотели трансформировать политические исследования в подлинную научную дисциплину», и «антибихевиоралистами» (или политическими философами), верившими, что «целью изучения политики было то, что называлось политической мудростью» [8, с. 62]. Некоторые исследователи считали, что к концу 1950-х возникла опасность растворения политической теории между полюсами сциентизма и философского морализма [8, с. 63].

Следует отметить, что в американской политической науке весьма распространенным является употребление понятия «политическая теория» для обозначения работ философско-политического характера опирающихся на ценностно-нормативный подход. В центре методологических дискуссий, таким образом, оказывался вопрос о том, должна ли политическая наука включать в себя вопросы политической теории, которая не опирается на бихевиористскую парадигму.

му. Представители позитивистского подхода в ходе своих рассуждений приходили к выводу о том, что политическая теория переживает эпоху своего заката, утрачивает значение для получения нового знания о политике, то есть обречена на полное исчезновение. Данная позиция нашла отражение в работах Альфреда Коббана [14], Дэвида Истона [13], Роберта Алана Даля [10], Карла Дойча [12] и др. Вот как данное явление описал в начале 60-х гг. прошлого века Данте Джермино: «Мнение о том, что политическая теория находится на грани исчезновения, с ужасающей скоростью распространяется по цеху политической науки. Во главе профессиональных плакальщиков находится Альфред Коббан, как никто другой много сделавший для того, чтобы превратить суждение о том, что политическая теория находится в полном упадке, в практически неоспоримое клише. Эссе Коббана уже почти десятилетней давности с очевидностью захватило умы внушительной части представителей политической науки, причем некоторые из них уже прибегли к похоронным метафорам, чтобы описать нынешнее состояние политической теории» [11, с. 336].

Сам Д. Джермино разделяет иную точку зрения: «Я считаю, что подобное суждение в корне неверно и что длительное согласие с ним лишь скрывает тот факт, что сегодня делаются значительные усилия для восстановления политической теории в качестве исследовательской традиции. То, что Коббан описывает как упадок политической теории, есть, с моей точки зрения, кризис позитивистской политической науки. Он зафиксировал неизбежный упадок политической теории, ограниченной рамками дискурса позитивистской вселенной, в которой правит дихотомия «факт – ценность»... Политическая теория сможет расцвести, подобно тому, как это было раньше, лишь через восстановление прочной онтологии и адекватной эпистемологии, – это потребует отказа от физикалистской интерпретации опыта, которая десятилетиями доминировала в политической науке. Масштабная философская трансформация такого рода уже полным ходом идет в нашей дисциплине. Имеющиеся уже сейчас результаты позволяют выдвинуть суждение о том, что наступает период, когда мы сможем стать свидетелями полноценного возрождения политической теории» [11, с. 337].

Данте Джермино оказался прав: констатируемый им кризис позитивистского метода получил свое выражение в появлении работ крупных ученых, возрождающих интерес политологической обществу к ценностно ориентированной политической теории, называемой политической философией [3; 5]. Значительный вклад в методологическое осмысление предметной области политической философии с позиции аксиологического подхода внес Лео Штраус¹.

¹ *Лео Штраус* (Strauss) (1899–1973) – политический философ. Эмигрировал из Германии в Великобританию в 1934 г., а в 1948 г. – в США. С 1948 г. по 1973 г.

Ценностный подход. В плане исследуемой нами темы наибольший интерес представляет сборник работ *Лео Штрауса*, изданный под заголовком «Введение в политическую философию», в котором автор подвергает критике позитивизм в политической науке и встает на точку зрения реабилитации ценностного подхода к изучению политики.

Штраус утверждает, что ценностный подход в любых социальных исследованиях неизбежен. Позитивистская установка на отказ от ценностного подхода при изучении политической жизни, по мнению Штрауса, является методологическим заблуждением. «Невозможно, – пишет он, – изучать социальные феномены, то есть все важные социальные феномены, не вынося при этом ценностных суждений... Человек, отказывающийся различать великих политиков, посредственностей и безумных обманщиков, может быть хорошим библиографом; но он не способен сказать что-либо уместное о политике и политической истории... В общем невозможно понять мысль или действие, не прибегая к их оценке. Если мы, как это часто с нами бывает, не в состоянии адекватно оценивать, то мы не будем адекватно понимать» [25, с. 19-20].

Политическая наука, считает Штраус, невозможна без ценностных суждений и установок идеологического предпочтения. Например, когда исследователи проводят различия между демократическими и авторитарными свойствами политических институтов или политиков, то включают в свою трактовку авторитарности все то, к чему они, как хорошие демократы, относятся неодобрительно, «или, когда они говорят о трех принципах легитимности – рациональной, традиционной и харизматической – само используемое ими выражение «рутинизация харизмы» выдает протестантское или либеральное предпочтение, которое не принял бы ни один консервативный еврей или католик: в свете этого понятия происхождение Галаки из библейского пророчества, с одной стороны, и происхождение католической церкви из учения Нового Завета, с другой, неизбежно оказываются случаями «рутинизации харизмы» [25, с. 20].

Ценностный подход при анализе политики, согласно Штраусу, позволяет политической философии не только производить оценку политических реалий с позиций их соответствия тем или иным представлениям об общественном благе и идеальном общественном устройстве, но также и определенным образом понимать, интерпре-

работал на факультете политической науки в Чикагском университете. Является редактором фундаментального издания *History of Political Philosophy* (Chicago, 1963), автором серии работ по политической философии: *The Political Philosophy of Thomas Hobbs* (1936); *Political Philosophy and History* (1949); *On the Spirit of Hobbes Political Philosophy* (1950); *What is Political Philosophy?* (1955, 1956, 1957); *The Liberalism of Classical Political Philosophy* (1959); *Studies in Platonic Political Philosophy* (1983) и др.

тировать политические действия с точки зрения их правильности и справедливости.

По Штраусу, научное и политико-философское познание имеют много общего. Их объединяет стремление к универсальному, достоверному и истинному знанию. И то, и другое важно для политической практики, для разработки политических стратегий и моделей общественно-политической жизни. Идеи свободы и справедливости, которые разрабатывает политическая философия, не менее значимы для действующих политиков, чем эмпирические политические исследования. Политическая философия, согласно Штраусу, рассматривает глобальные вопросы, которые связаны с великими жизненными целями человечества, стремится разработать критерии правильного политического устройства общества.

Штраус следующим образом трактует предмет политической философии: «В словосочетании «политическая философия» слово «философия» обозначает способ рассмотрения: рассмотрения, одновременно обращенного к корням, и в то же время всеобъемлющего; слово «политическая» указывает одновременно на предмет и функцию: политическая философия обращается с политическими делами таким способом, который должен иметь определенное отношение к политической жизни; таким образом, предмет политической философии должен совпадать с целью, с конечной целью политического действия. Темой политической философии являются великие цели человечества – свобода и правление или империя; это цели, способные возвысить всех людей над их ничтожными Я» [25, с. 9-10].

Для Штрауса очевидно, что политическая философия есть ветвь философии. А поскольку главной целью философии, по его мнению, является поиск универсального знания о целом (Боге, мире, природе вещей, человеке), то и предметом политической философии является поиск универсального знания о политике. Данный поиск не является ценностно-нейтральным. Он всегда включает оценочный подход, связанный с такими понятиями, как правильность и справедливость. Политическая философия стремится к знанию о критериях правильности и справедливости. «Политическая философия, – отмечает Штраус, – это, с одной стороны, попытка выяснить истинную природу политических вещей, а с другой, – узнать, что собой представляет правильный или хороший политический порядок» [25, с. 11].

Штраус различает политическую философию и политическую мысль в плане их содержания и интенций. Не всякая политическая мысль носит политико-философский характер. Под политической мыслью подразумеваются любые идеи, мнения и суждения, относящиеся к политике. Политическая мысль далеко не всегда озабочена своей достоверностью и стремлением к получению ценного знания. К политической мысли можно отнести разнообразные вымыслы и политические иллюзии, не обременяющие себя аргументами и дока-

зательствами. Напротив, политическая философия представляет собой постоянное интеллектуальное усилие, направленное на получение истинного знания.

Различаются также традиционные формы репрезентации политической мысли и политической философии. «Политическая мысль, не являющаяся политической философией, находит свое адекватное выражение в законах и кодексах, поэмах и историях, брошюрах и публичных речах..; надлежащей формой представления политической философии выступает трактат» [25, с. 12].

Штраус проводит различие между предметом политической философии и предметами таких дисциплин, как политическая теология, социальная философия и политическая наука.

От политической теологии политическую философию отличает ее исключительно светский характер, апелляция не к божественному откровению, а к человеческому разуму. Отличие же от социальной философии состоит в том, что для политической философии все страны и народы выступают политическими сообществами, тогда как социальная философия считает политическое сообщество всего лишь частью того, что обозначается понятием «общество».

Следует отметить, что Штраус, хотя и подвергает критике позитивистский взгляд, принижающий роль политической философии в понимании мира политики, но в то же время он разделяет представления позитивистов о принципиальном отличии научного и философско-политического знания. В духе позитивизма Штраус считает необходимым отделять научное политическое знание, к обладанию которым, по его мнению, стремится исключительно политическая наука, от политико-философского знания. «Научное политическое знание, – утверждает Штраус, – на самом деле несовместимо с политической философией» [25, с. 13]. Политическая наука, по его мнению, исключает философский подход, а политическая философия – научный.

Несмотря на собственную приверженность философско-политическому образу мышления (Штраус предпочитал себя называть политическим философом) взгляды его на будущее политической философии были столь же пессимистичны, как и у представителей сциентистского подхода. Свои мысли относительно ожидаемой печальной участи политической философии в условиях господства позитивистских взглядов Штраус подкреплял рассуждениями о происходящем процессе распада ее предметной области. Значительная часть того, что раньше называлось политической философией, рассуждал Штраус, эмансипировалась, вошла в предметные области экономики, социологии и социальной психологии. То же, что осталось, растащили на части философы истории и богословы. Вот его печальный вывод: «Едва ли будет преувеличением сказать, что сегодня политическая философия существует только как предмет похорон, то есть для ис-

торического исследования, или же как тема слабых и неубедительных торжественных заявлений» [25, с. 16].

Пессимистический настрой относительно перспектив развития политической философии получил свое выражение в академических кругах не только американских, но и французских политологов, в частности в творчестве Филиппа Бенетона.

Взгляды *Филиппа Бенетона* на предмет политической философии можно рассматривать как типичное выражение деонтологического подхода.

Деонтологический подход. Вопрос о правильной политике – вот что, по Бенетону, является центральным вопросом, а следовательно и предметом политической философии. Бенетон солидаризируется со Штраусом в том, что изучение политики невозможно без проведения различий между благими и дурными вещами. Идея описательной и аналитической политической науки отказаться от оценочных суждений, замечает он, столь же абсурдна, «как и идея медицины, запрещающей проводить различие между здоровьем и болезнью» [4, с. 23].

Как и Штраус, Бенетон констатирует существование процесса маргинализации политической философии, растворение ее предмета в других социально-политических дисциплинах. «Кажется, — пишет он, что современная политическая философия близка к интеллектуальному исчерпанию (хотя и наблюдается некоторое обновление классической или классической христианской философии), разве она не обречена на то, чтобы отречься от философии и раствориться в политической науке? Вопрос остается открытым...» [4, с. 93].

Три момента, по мнению Бенетона, свидетельствуют об усилении в современной политической науке позитивистской позиции, что может привести в итоге к отмиранию политической философии.

Первый момент связан с глубоким кризисом марксистской политической философии и распадом коммунистических режимов, чьим обещаниям и надеждам не суждено было сбыться.

Второй момент состоит в попытке отказа философского либерализма от философии и в утверждении в качестве ведущего методологического принципа понимания и объяснения политики принципа разумного эгоизма. Даже известная работа Д. Ролза «Теория справедливости»¹, по мнению Бенетона, содержит в себе интенцию

¹ Работа американского философа Джона Ролза «Теория справедливости» (1971) была воспринята мировой академической общественностью как признак возрождения политической философии. Работа нашла широкий отклик в интеллектуальном сообществе, вызвала множество дискуссий. Основным предметом критики стал представленный Ролзом абстрактно-рационалистический (в духе либерального утилитаризма) подход к осмыслению понятия «справедливость», не учитывающий многообразие современных политических идеологий, их нацио-

принижения роли философского осмысления политики в угоду представления о том, что идея каждого относительно его собственного блага и есть его благо, если только никто не посягает на выбор другого. «Из этого следует, что политика сводится к технике на службе прав расчетливого человека. Философия при этом отступает», – утверждает Бенетон [4, с. 94].

Третий момент связан с тем, что современная политическая наука взяла курс на разрыв с философией. Сделав своим идеалом ложно понимаемое «научное» знание, политологи стали пренебрегать проблематикой политической философии. В итоге, отмечает Бенетон, среди современных способов понимания политики доминирующим оказался не философский, а позитивистский: «наука» добилась превосходства над философией. Следствием отказа от философского подхода к политике стало торжество позитивистского принципа нейтральности или «объективности». Точка зрения внешнего наблюдателя объявляется высшей точкой зрения. Правило нейтральности заставляет ученого воздерживаться от ценностных суждений. Согласно позитивистскому подходу, наука наблюдает, экспериментирует, объясняет, но не судит и не предписывает. «Область науки – это область разума, вопрос же ценностей в итоге подчиняется иррациональному» [4, с. 98]. Конфликт ценностей трактуется как чуждый научному подходу к политике. Ценностный способ анализа политики сводится к анализу мнений. «А мнениям запрещен вход в град науки, по крайней мере, в качестве предмета изучения» [4, с. 98].

Отказ от философского осмысления политики, по Бенетону, является глубоко ошибочным как с методологической, так и с практической точки зрения, поскольку недооценка значимости теоретических разработок по философско-политической проблематике наносит ущерб реальной политической практике. Технологический или утилитарно-прикладной подход, который возобладали в современной политической науке, привел к тому, что в политических исследованиях стали доминировать ценностно-нейтральные категории структурного анализа и рыночного обмена. «Политика (в действительности – демократическая политика) стала походить на рынок, где совершается рациональный обмен, мотивированный интересом. Политический режим не является более главной причиной всего самого важного в социальной жизни людей, он утратил этот статус, уступив место таким категориям, как социальная структура, «культура» или рынок. Политика растворилась в социальном» [4, с. 102].

нально-политические и социокультурные контексты. Подробный анализ концепции справедливости Ролза и критических взглядов на нее изложен в монографии Т.А. Алексеевой «Справедливость как политическая концепция: Очерк современных западных дискуссий» (М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 244 с.).

Усиление позитивистской тенденции в политической науке Бенетон связывает с бурным развитием теории общественного выбора или Public Choice. «Мыслители этой школы анализируют политику ... в терминах стоимости, выгоды и риска или, если хотите, в терминах ставок, стратегий и стратегических контекстов. Выбор избирателей, программы партий, общественные решения по сути своей принадлежат к тому же типу интерпретации, что и экономическое поведение: у акторов всегда есть лишь одно основание для действия, они пытаются рациональным и эгоистическим образом извлечь максимальную выгоду, изменяются лишь ситуационные логики» [4, с. 104].

Подобная интерпретация политических реалий, лишенная оценочного момента, считает Бенетон, приводит к тому, что стираются принципиальные различия в поведении людей. Постулаты теории общественного выбора уравнивают весь мир: человек всегда и везде одинаков. «Нацистский лидер, продавец стекла, голлистский избиратель, человек, занимающийся биржевыми спекуляциями, ... – все в основе своей объяснимы одинаковым образом» [4, с. 104].

Приняв для себя точку зрения критики позитивизма в политологии, Бенетон считает необходимым включение в предметную область политической науки традиционных вопросов политической философии, содержащих ценностные моменты. К числу таковых относятся прежде всего вопросы о хороших и плохих политических режимах и институтах, о политической свободе и ее границах, о политике как искусстве, о добре и зле.

Деонтологический подход к пониманию особенностей предметной области политической философии разделяет известный британский исследователь Дэвид Миллер – профессор и преподаватель политической теории Оксфордского университета. «Мы можем определить политическую философию, – отмечает он, – как исследование природы, причин и последствий власти хорошего и плохого правителя» [18, с. 10]. Хорошее правление заключается в следовании принципу справедливости. Осуществление на практике данного принципа оказывает влияние на качество жизни людей, поскольку позволяет им спокойно жить и трудиться.

К главным вопросам политической философии Миллер относит следующие: «Действительно ли то, в каком государстве мы живем, влияет на нашу повседневную жизнь? Действительно ли мы можем выбирать своих правителей? Или же форма правления нам неподвластна? И можем ли мы знать, почему одно государство лучше, а другое хуже?» [18, с. 13].

В центре внимания политической философии, считает Миллер, стоит вопрос о том, какова наилучшая форма правления. Этот вопрос, в свою очередь, заставляет задуматься над тем, могут ли люди сами выбирать форму правления, или она предопределена неподвластными им силами. В том случае, если мы встанем на позицию

исторической предопределенности выбора форм правления, то есть на позицию исторического детерминизма или фатализма, вопрос о наилучшей форме правления утрачивает свой смысл.

По мнению Миллера, в начале XXI в. возникло новое течение фатализма, развивающееся в рамках теории глобализации. Данное направление получило свое воплощение в известной работе Ф. Фукуямы «Конец истории». «Развитие новой, глобальной экономики, – пишет Миллер, – породило мысль о том, что если государство хочет влиться в эту экономическую систему, у него практически не остается пространства для маневра. Любое государство, которое попыталось бы сопротивляться рыночной системе, сразу столкнулось бы с экономическим кризисом. И единственный тип государства, который кажется жизнеспособным в условиях глобальной конкуренции, – это либеральное демократическое государство. Разумеется, государство может быть иным, например, иметь исламский режим, но расплатой будет большее или меньшее экономическое отставание, а платить такую цену не желает ни одно общество. Суть этой теории, известной как «теория конца истории», заключается в том, что под влиянием экономических факторов все общества придут к более или менее схожему типу управления» [18, с. 17].

Фаталистическая концепция конца истории будет подорвана реальными событиями, убежден Миллер. Уже сегодня развиваются движения, подвергающие критике ход современной глобализации, идет процесс нарастания национализма. «Эти тенденции ставят под сомнение идею о том, что экономическое развитие – главная цель общества. На первый план выходит идея общечеловеческих ценностей. Сейчас это центральная проблема политической философии. И даже если мы ограничимся спорами о политике (это основное проблемное поле политической философии), все равно придется затронуть вопрос о том, можно ли пожертвовать экономической свободой ради всеобщего равенства, ограничить личную свободу во имя укрепления общества» [18, с. 17-18].

Политическая философия, по Миллеру, занимается жизненно важными вопросами, связанными с проблемами реального политического выбора. Он возражает тем, кто считает бесполезными политико-философские рассуждения о правильном правлении и призывает тех, кто хочет изменить порядок вещей, заниматься практическими делами: выходить на улицы, устраивать демонстрации и т.п. Именно идеи, развиваемые политической философией, оказали решающее влияние на ход важных исторических событий. Трудно, к примеру, оспорить огромное влияние трактата Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре» на историю Великой Французской революции. В этой связи Миллер приводит слова Томаса Карлейля: «Жил-был человек по фамилии Руссо, он написал книгу, в которой не было ничего, кроме идей. Переплеты второго издания этой книги были сделаны из кожи тех, кто смеялся над ней вначале» [18, с. 21].

Потребность в политической философии, считает Миллер, есть всегда, особенно в те периоды, когда общество сталкивается с необычными ситуациями, когда вступают в конфликт ценностные ориентации. Здесь центральным становится политико-философский вопрос о приоритете ценностей. Например, в конфликт могут вступить, с одной стороны, такие ценности, как закон и порядок, с другой стороны, – свобода личности, свобода личного выбора и верность национальным традициям.

Проблемное поле политической философии, по мнению Миллера, претерпевает изменения по мере появления новых актуальных вопросов политической жизни общества, требующих глубоких философских ответов. Однако неизменно в центре внимания политической философии оказываются следующие вопросы: «Почему политика необходима? Какое право имеет кто-либо принуждать другого человека делать что-либо против воли? Почему я должен повиноваться закону, если я с ним не согласен?» [18, с. 26].

В ходе рассмотрения традиционных и новейших проблем политической философии невозможно стоять на позиции ценностного нейтралитета, на позиции некоего бога-олимпийца, беспристрастно наблюдающего за идейными спорами, полагает Миллер. Лично сам он не скрывает своих политических взглядов, приводя в пользу своей точки зрения определенные аргументы: «Невозможно писать о политической философии, не будучи политическим мыслителем. И хотя я пытался показать читателю, что не существует единственно приемлемого ответа на вопросы, по поводу которых идут ожесточенные споры, я также не скрывал своих собственных предпочтений» [18, с. 29].

Оригинальная версия деонтологического подхода к предмету политической философии представлена в работе Александра Пятигорского. В ней автор настаивает на том, что политическая философия имеет дело исключительно с мыслительными рефлексиями по поводу политики в форме идеально-нормативных образов или абсолютов. «Объект политической философии, – утверждает он, – это политическая рефлексия, рефлексия о политике ... Предмет – основные понятия политической рефлексии» [20, с. 28-29].

Основными понятиями политической рефлексии, по Пятигорскому, выступают понятия политической власти, государства, революции и войны. В мышлении каждого человека присутствуют некие стереотипные образы, которые обозначаются данными понятиями. Эти понятия-образы раскрываются Пятигорским через введение дополнительного инструментального понятия – «абсолют». Согласно автору, политическая философия имеет дело с абсолютной политической властью, абсолютным государством, абсолютной революцией и абсолютной войной, то есть исключительно с идеально-нормативными образами-рефлексиями. Эти образы – явления ког-

нитивного мира, а не объективного бытия, они не онтологичны, а эпистемологичны. Они относятся к философской рефлексии, а не к фактам объективной реальности. Пятигорский отмечает: «Говоря об абсолютном, я подчеркиваю, что это – термин политической *философии*, в данном случае моей. И будет чушью, если вы откроете окно и скажете: «О, кажется, начинается абсолютная революция!». Или радио пищит, или телевизор что-нибудь показывает: «О, это пахнет не каким-нибудь Косово или Чечней, а абсолютной войной!». Вы должны понимать, о чем мы говорим, ведь не о том, что происходит в Косово или на Кавказе, – ничего подобного. А о том, что происходит в нашем собственном мышлении и в восприятии других людей» [20, с. 31].

Идея абсолюта – это тот идеал, с которым человек соотносит реальные политические события и политические практики, идеал, который выступает в сознании каждого инструментом политической рефлексии. Данный идеал рефлексивируется человеком как настоящая или ненастоящая революция, настоящая или ненастоящая война и т.д. Такого рода оценочные рефлексии исходят из определенных мыслительных установок. Для одних абсолютной революцией, то есть настоящей, была большевистская революция 1917 г., с которой сравниваются как с идеальной моделью другие революции. При сравнении обязательно производятся оценочные суждения. К примеру, Освальд Шпенглер на следующий день после того, как случилась немецкая революция в 1918 г., писал: «Немцы, бездари, какой позор, что это за революция, чушь какая-то! Ерунда, курам на смех. Вот русские сделали *настоящую* революцию» [20, с. 32]. То есть Шпенглер, который отнюдь не разделял идеи коммунизма, в своей оценке немецкой революции исходил не из собственных идеологических предпочтений, а из присутствующей в его мышлении абстрактной идеи о том, как должны делаться настоящие революции вообще. Именно такими предельными абстракциями в их инструментальном применении к реальной политике, выступающими в своих превращенных формах (политические символы, мифы, симулякры), по мнению Пятигорского, и занимается политическая философия. Так, например, тоталитаризм он рассматривает как превращенную форму абсолютного государства, а тоталитарного лидера – как символическое воплощение данной превращенной формы. Тоталитаризм, по Пятигорскому, является детищем идеи абсолютного государства в его предельной версии. Более того, феномен тоталитаризма заострил философский вопрос об абсолютном государстве, положил начало проблематизации идеи государства вообще [20, с. 106].

В последнее время все чаще высказывается мнение о том, что политическая философия способна органично соединять в себе научные и ценностные подходы при изучении политики, анализ объ-

ективных политических реалий с анализом нормативных моделей политической жизни. Таким образом, снимается вопрос, поставленный позитивистами, о вытеснении политической философии за пределы научной мысли.

За соединение научных методов и ценностного подходов в политической философии выступает французский исследователь Пьер Манан. В работе под названием «Общедоступный курс политической философии», изданной в Париже в 2001 г., П. Манан говорит о неправомерности жесткого противопоставления научного и ценностного знания. По его мнению, политическая философия соединяет в себе две фундаментальные ценности – ценность Науки и ценность Свободы. Данный подход вполне реалистичен, ибо наука и свобода в реальной политической жизни находятся в состоянии переменного господства: то наука командует свободой, то свобода командует наукой. «Эти две инстанции, эти две «ценности» действительно господствуют над нашей жизнью: *наши общества организованы ради Науки и ради Свободы. Это – факт* и, я думаю, факт, определяющий наше нынешнее положение» [17, с. 12].

Политическая философия, согласно Манану, начиная с Макиавелли, основным предметом своего изучения делает не столько вопрос об идеальном политическом устройстве, сколько вопрос о реальных и возможных формах организации политической жизни общества, или о политических телах.

Манан расшифровывает понятие политического тела следующим образом: «В теле “все” присутствует в каждой части, общая жизнь оживляет каждую часть, ибо она оживляет целое. Именно это является самым значимым аспектом данного понятия, гораздо более важным, чем эвентуальное подчинение частей друг другу и целому. Таким образом, идея тела в применении к политическим сообществам отнюдь не является грубой и механической; напротив, это идея сложная и воистину духовная: она означает, что в политическом сообществе каждый элемент является самим собой и одновременно – всем, он живет своей собственной жизнью и одновременно жизнью целого. И в этом смысле любое политическое сообщество каким-то образом представляет собой тело» [17, с. 218].

Согласно Манану, в поле зрения современной политической философии оказываются *три измерения политических тел: реальное, возможное и виртуальное.*

Реальные политические тела – это уже сложившиеся в истории человечества территориально очерченные и духовно объединенные политические устройства. К ним относятся города-полисы, нации-государства, империи.

Возможные политические тела – это перспективные проекты политического устройства, то есть модели более или менее вероятного политического будущего. Анализ возможных политических

тел предполагает применение политической философией методов научного прогнозирования и сценарного подхода при осмыслении политической жизни.

К *виртуальным* политическим телам, судя по общему пафосу книги, Манан относит мечты людей об едином гармоничном мире, мире всеобщего согласия и взаимного признания, мире, в котором господствуют общечеловеческие ценности.

При рассмотрении *империи* как политического тела, Манан выделяет империю реальную, империю возможную и империю виртуальную. В качестве примера реальной империи современного мира он называет Соединенные Штаты Америки. США являются реальной империей потому, что именно они сегодня диктуют всему миру правила политической игры. «Империя реальная, – отмечает автор, – это, конечно, американская империя. Соединенные Штаты не только выполняют “функцию империи”, являясь гарантом, потребителем и последней инстанцией, к которой прибегают в случае крайней нужды, – такую роль играла Великобритания в XIX веке; Соединенные Штаты делают гораздо больше, они осуществляют настоящее имперское правление, не только благодаря прямому вмешательству, дипломатическому, финансовому или военному, но еще в большей степени благодаря тому, что они устанавливают правила, по которым подавляющее большинство обитателей планеты соглашается жить...» [17, с. 82].

Примером возможной империи, по Манану, выступает проект объединенной Европы: «Империя возможная – это та, которую когда-нибудь создаст Европа, если строительство Европы к чему-нибудь приведет» [17, с. 83].

Под виртуальной империей Манан подразумевает власть всего человечества в целом, слабым прообразом которой выступает ООН [17, с. 83].

Значительное внимание в своем курсе политической философии Манан уделяет анализу Европы как возможному политическому телу. Внутри европейских стран, отмечает он, происходит столкновение двух основных проектов развития – проекта национального суверенитета и проекта объединения с другими европейскими государствами в единое общеевропейское сообщество. Наилучшим проектом возможной Европы, по мнению Манана, является такой проект, в котором диалектически будут соединяться оба данных тренда [17, с. 104-110].

Как любое тело, политическое тело под названием «Европа» должно иметь свои определенные границы. Она не может бесконечно расширяться. «Европа, – пишет Манан, – должна прежде всего определить свои границы, причем не только линии на карте или местности; она должна установить духовные пределы, приняв для этого соответствующее решение в отношении Востока, то есть Украи-

ны и России, и в отношении Юго-востока, то есть Турции» [17, с. 113-114].

Возможность Европы стать самостоятельным политическим телом, считает Манан, в значительной степени будет зависеть от того, каким образом она станет выстраивать свои отношения с США. При этом Европа неизбежно встанет перед трудным выбором: «оставаться по-прежнему гигантом, не способным зашнуровать себе ботинки, - или делать реальной свою потенциальную силу» [17, с. 114].

По мнению Манана, существует определенный соблазн представлять будущую Европу в виде универсального Государства-нации. Но данный проект несостоятелен, поскольку содержит в себе двусмысленность: «Непонятно, идет ли речь о новом большом, очень большом протагонисте нового века наряду с Соединенными Штатами, Китаем и так далее. Или же имеется в виду нечто противоположное: не создание нового политического тела, а институализация конца политики, сведение общей жизни к правам и правилам гражданского общества и цивилизации» [17, с. 318]. Для самого Манана наиболее предпочтительным был бы второй путь. «Европа, – пишет он, – это некая политическая возможность, потому что она обещает выход из политики, прощание с политикой. Так мы сможем избежать ограниченности и разочарования, неотделимых от всякой политической формы... Мы чувствуем, что мир готовится выйти из века политики, чтобы организовать себя без посредства политики, и мы присоединяемся к этому движению, потому что оно, как представляется, приведет к окончательному осуществлению взаимного признания. Выход из политики позволит нам реализовать то, чего не могла обеспечить ни одна политическая форма. Заявляет о себе мир над- или постполитический, мир непосредственно политический» [17, с. 318].

Перспектива освобождения от политики соблазнительна, но в то же время общественный порядок, основанный исключительно на гуманитарных принципах, является иллюзорным. Любые гуманитарные устремления, отмечает Манан, окажутся бесплодными, если не получат необходимое политическое обрамление. «Новый порядок не сможет возникнуть, если мы не решимся принять ограничения старого порядка, то есть ограничения наших условий политического существования. А эти ограничения в свою очередь, дадут возможность реализовать человечность человека, без иллюзий, но в истине его политической природе» [17, с. 328-329].

В своем курсе политической философии Манан не ограничивается рассмотрением исключительно вопросов реальной и возможной организации различных политических тел. В центре его внимания проблемы понимания и реализации *политической свободы*. Свобода, как было заявлено автором в самом начале курса, выступает фундаментальной ценностью, вокруг которой выстраиваются

теоретические построения западноевропейской политической философии. Следует данной традиции и Манан, рассматривая сквозь призму понятия свободы такие феномены, как демократия, государство, коммунизм, нацизм, права человека и др.

Концептологический подход. В его основе лежит идея о том, что политическая философия представляет собой интеллектуальную деятельность по конструированию различных концепций, на основе которых осуществляется теоретическое осмысление феноменов мира политики. По отношению к идеологии и живой политической практике политическая философия выступает в роли концептуального ядра, задающего теоретико-методологические основания для объяснения и интерпретации политических явлений.

Концептологический подход к предмету политической философии предполагает концентрацию исследовательского внимания на анализе определенной серии концептов и способов их интерпретации представителями различных идейно-политических течений. Данный подход представлен в отечественной политической философии работами Т.А. Алексеевой [1; 2] и В.П. Макаренко [15; 16].

Т.А. Алексеева дает следующую трактовку концепции как основному строительному материалу политико-философского знания: «Концепция – это нечто большее, чем простое наименование явления или вещи. Можно, например, говорить о концепции президентства». В этом случае, мы имеем в виду не конкретного президента, а совокупность идей о способе организации исполнительной власти. Концепция, таким образом, носит общий (всеобщий) характер в том смысле, что может быть применена к нескольким объектам, в широком смысле – ко всем объектам, обладающими теми же определенными характеристиками ... Формирование концепций – это необходимый шаг в процессе рассуждений; концепции – «инструменты», с помощью которых мы думаем, критикуем, аргументируем, объясняем и анализируем ... Для того, чтобы сделать наше восприятие окружающей действительности осмысленным, мы должны придать наблюдаемым нами явлениям смысл – это происходит через конструирование концепций» [1, с. 150].

Политическая философия стремится перевести систему политических понятий в концепции. В итоге формулируются концепции ключевых понятий политической мысли, таких, например, как «свобода», «справедливость», «равенство», «порядок», «развитие» и др. Поскольку в рамках различных концепций одного и того же понятия даются неодинаковые его интерпретации, то между различными концепциями разворачивается *конкурентная борьба*. «Фактически каждый термин воплощает в себе несколько конкурирующих между собой концепций, причем ни одну из них мы не можем признать в качестве “истинной”» [1, с. 153]. Эта борьба выливается в концептуальные споры. Анализ данных споров и стремление к преодолению

интерпретационных противоречий, считают сторонники концептуального подхода, являются главными задачами политической философии. В то же время те, кто занимается изучением предмета политической философии, понимают, что концептуальные споры часто неразрешимы, поскольку в основе каждой философско-политической концепции лежит определенная идеологическая установка. Либерально ориентированная политическая философия будет развиваться, к примеру, такие концепции справедливости, с которыми вряд ли согласятся политические философы левой ориентации. «Для многих философов, особенно социалистической ориентации, распределительная справедливость выступает в качестве фундаментального морального императива. Для других, например для Фридриха фон Хайека, лауреата Нобелевской премии, сторонника рынка и противника плановой экономики, понятие “социальной справедливости” представляется “оскорблением” самого понятия “справедливость”» [1, с. 153].

Представители концептуального подхода вводят в оборот понятие «концепт». Концепт – это кластер идей и интерпретаций, возникающий вокруг определенного политического понятия. Иначе говоря, концепт – это «смысловой сгусток», позволяющий сгруппировать какие-то явления, обладающие общим признаком под одной «шапкой». Концепт поливариантен в своей интенции, предполагает множество интерпретационных версий и потому открыт для новых интерпретаций. «Всякий концепт предполагает подвижность, изменчивость, способность как бы “плавать” внутри концепции. Это не столько твердое ядро, сколько узел концепции (sore). В противном случае мы не могли бы утверждать, что конкуренция разворачивается вокруг одного и того же понятия. Каждую из интерпретаций концепта мы можем назвать его концепциями. Иными словами, мы понимаем каждую концепцию как раскрытие смысла и развитие концепта» [1, с. 155].

Разработчики концептуального подхода рассматривают предметную область политической философии как динамично развивающуюся концептосферу, внутри которой происходит столкновение идеологизированных комплексов интерпретаций концептов, ставших предметом дискуссий в академических и политических кругах. Идеологическая ориентация рассматривается как системообразующее начало для конструирования той или иной версии политического концепта. Вот почему в своих работах сторонники концептуального подхода дифференцируют философско-политические интерпретации концептов по их мировоззренчески-идеологическим основаниям, выделяя либеральные, социалистические, анархические, марксистские, феминистские, коммунитаристские, постмодернистские и иные интерпретации таких концептов, как «свобода», «демократия», «справедливость» и т. д. в современной политической философии.

Соединение концептологического подхода с анализом мировоззренческих и идеологических установок приводит к выделению в рамках современной политической философии множества конкурентных концепций, представленных авторами, относящихся как к одной и той же идеологической формации, так и к разным идейно-политическим и философским течениям. К примеру, В.П. Макаренко при анализе концепта «равенство»/«неравенство» рассматривает либерально-эгалитаристские концепции равенства (концепции средств и шансов), представленные в работах М. Уолцера и А. Сена, и конкурирующие с ними, но тоже либеральные распределительные концепции равенства Д. Ролза, Т. Нагеля, Д. Миллер, Р. Дворкина. В.П. Макаренко отмечает, что правомерность концепта равенства для развития философско-политической мысли и политической практики не оспаривается ни одним из либеральных авторов, считающих социальное равенство необходимым морально-политическим требованием. Однако каждый из них оспаривает трактовку равенства, данную другими. «Никто из авторов, – пишет Макаренко, – не отрицает моральное значение социального равенства. М. Уолцер отбрасывает простое равенство в пользу сложного. Д. Миллер отвергает равенство материальных условий и раздела благ между членами общества в пользу всеобщего равенства статуса ... Р. Дворкин считает, что одобрение равенства ресурсов вытекает из одобрения абстрактного политического равенства всех граждан...» [16, с. 147-148].

Представление о политической философии как перекличке и конкуренции идей в рамках определенной концептосферы легло в основу содержания и структуры нового учебника по политической философии Т.А. Алексеевой [2]. Понимание философско-политической деятельности как формирования смыслового ядра и составления системы логических аргументаций в пользу той или иной интерпретации конкретного концепта дает автору учебника основание для выделения трех форм существования политической философии:

- 1) *конструктивизм* – конструирование идеальных образов какой-то политической структуры или решения какой-то политической проблемы;
- 2) *артикулирование* – раскрытие содержания и разъяснение смысла той или иной концепции;
- 3) *интерпретация* – трактовка имеющихся философско-политических текстов [2, с. 23].

Процесс артикулирования (или разъяснение концепций) трактуется как их актуализация. Актуализация проявляется во включении смыслового ядра концепций в решение актуальных проблем политической жизни. Таким образом, концептосфера политической философии превращается в концептосферу идеологии, которая нацелена на идейную организацию определенной политической практики. Разъясняя идеологическую трансформацию политической фи-

лософии, Алексеева обращается к работам американского политолога Майкла Фридэна: «Политические концепции, согласно Фридэну, образуют то, что он называет “идеологиями”, целостные системы идей, создающие основания для объяснения и критики политической жизни, – это основные строительные блоки нашего мышления о политике. Из этих строительных блоков – концепций свободы, равенства, справедливости, власти, авторитета, связанных между собой определенным образом, и образуются все современные политические идеологии» [2, с. 66-67].

Каждая идеологическая система выстраивается вокруг определенных концепций свободы, равенства, демократии и т.д., поддерживает определенную интерпретацию концептов. Однако концептуальная сцепка между политической философией и идеологией вовсе не означает, что они тождественны. Главные отличия состоят в том, что политическая философия оперирует рационально выстроенным понятийным аппаратом и в своей логической аргументации, а также в критике конкурентных взглядов? допускает правомерность существования иных интерпретаций политических концептов. Идеология же склонна прибегать к политическим мифологемам и противоречивым иррационально-эмоциональным образам. Она интенционально направлена на легитимацию уже готового, отлитого в четкие формулы знания, и в отличие от политической философии не склонна включать в свой арсенал альтернативные интерпретации концептов [2, с. 69-71].

Мультипарадигмальный подход к предмету политической философии в своей основе содержит идею том, что одновременно существует множество разнообразных видов политических философий, каждая из которых служит парадигмой, то есть философско-теоретической базой для определенного направления политической мысли или для влиятельной идеологической практики. Данное представление конструирует предметную область политической философии на основе выделения и анализа парадигмальных основ наиболее распространенных идейно-политических течений.

Типичным примером мультипарадигмального подхода к предмету современной политической философии являются работы канадского исследователя, сторонника политики мультикультурализма, автора одного из самых известных учебников по политической философии Уилла Кимлика [26].

Кимлика выделяет два больших лагеря в современной политической философии. В одном лагере – политические философы, которые разделяют базовые принципы либеральной демократии и разрабатывают философско-теоретические основания для поддержки либерально-демократических ценностей. К основным видам либерально ориентированной политической философии Кимлика относит следующие направления: утилитаризм (главная фигура – Томас Нагель),

либеральный эгалитаризм (основные фигуры – Джон Ролз и Рональд Дворкин) и либертариизм (центральная фигура – Роберт Нозик). Взятые вместе, как отмечает Кимлика, они выступают выражением политического языка англо-американской системы либеральной демократии. Доминирующий дискурс либеральной демократии базируется на таких понятиях-формулах как «права человека», «свобода», «больше благ для большего числа людей», «равенство возможностей» и др. Гегемония либерального дискурса настолько велика, что для значительной части людей единственным политическим языком выступает язык либеральных понятий и формулировок. В силу этого выделенные три разновидности современной политической философии либерализма рассматриваются Кимликой как ее «mainstream».

Однако, как отмечает Кимлика, всегда существовали те, кто критиковал и отрицал полностью или частично идеи либеральной демократии, кто предлагал альтернативные концепции и принципы взамен либерально-демократического политического словаря. Исследователь выделяет пять течений в современной политической философии, составивших в совокупности альтернативный лагерь философии либеральной демократии. К таковым он относит марксизм, коммунитаризм, феминизм, теорию гражданства и мультикультурализм [26, р. X-XI].

Каждое из представленных альтернативных направлений, утверждает Кимлика, репрезентирует амбивалентное отношение к идеям либеральной демократии. С одной стороны, критике подвергаются либерально-демократические теории справедливости, в которых отсутствуют такие понятия, как «эксплуатация» и «отчуждение» (марксизм), «социальный атомизм» (коммунитаризм), «подчинение женщин», «этика ответственности и заботы» (феминизм), «культурная маргинализация» или «ассимиляция» (мультикультурализм), «политическая апатия», «переговорная демократия» (теория гражданства). Но, с другой стороны, политические философы альтернативных течений хорошо понимают, что дефекты, оказавшиеся предметом их критики, коренятся не столько в самих парадигмах и принципах либеральной демократии, сколько в их неправильном воплощении или в отсутствии необходимых условий для их реализации [26, р. XI].

Свой анализ парадигмальных основ ведущих и альтернативных течений в современной политической философии Кимлика начинает с выявления основных социальных вызовов времени, получивших артикуляцию в требованиях и притязаниях определенных социокультурных групп. Например, политическая теория мультикультурализма рассматривается им с позиций двух вызовов-притязаний – притязание на гражданские права и притязание на культурно-политическое признание. Идеология и политическая практика, направленные на реализацию данных притязаний, обозначается следующими базовыми по-

нениями: «политика различия», «политика идентичности», «политика признания», «мультикультурализм» [26, р. 327].

Все рассматриваемые Кимликой течения современной политической философии анализируются им через призму их взаимовлияния посредством обоюдной критики, в результате чего происходит «перекрестное опыление» каждого из направлений новыми положениями и идеями, а следовательно, трансформация парадигмальной базы и в итоге – дальнейшее развитие всей современной политической философии. Теория гражданства, к примеру, под влиянием коммунитарной критики 1980-х гг. включила в свою парадигмальную основу концепции социальной общности и социального согласия, понятие политической апатии, что привело к заметному усилению интереса академической общественности к самой теории гражданства, к ее активному продвижению. Этому способствовал и определенный политический контекст. Интерес к теории гражданства, отмечает Кимлика, был зажжен не только упомянутым теоретическим развитием, но также рядом событий и трендов мирового масштаба конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века. К ним относятся: увеличение апатии избирателей; всплеск националистических движений в Восточной Европе; политическая напряженность, связанная с формированием мультикультурного и мультинационального состава населения в Западной Европе; провал концепции государства всеобщего благоденствия в Англии; спад доверия к глобализации и ощутимые потери в национальных суверенитетах и т.д. Все эти события и процессы дали понять, что состояние и стабильность современной демократии зависят не только от должной работы ее основных учреждений, но также от качества и состояния гражданского общества, от чувства гражданской идентичности, от способности граждан к толерантности, к совместной работе с другими, отличными от них, от их желания участвовать в политическом процессе, от их опыта социальной ответственности и т.д. Без граждан, обладающих всеми выше перечисленными качествами, управление демократическим государством будет затруднено. Как заметил Хабермас, «учреждения конституционной свободы стоят ровно столько, сколько население готово дать за них», то есть они стоят ровно столько, во сколько их оценивает общество [26, р. 384-385].

Мультипарадигмальный подход к анализу направлений в политической философии Кимлика распространяет на анализ течений, существующих внутри отдельно взятого направления. Так, например, внутри феминизма он различает следующие его разновидности: либеральный феминизм, марксистский феминизм, либертарианский феминизм. Отдельно выделяются феминистские теории, лежащие по ту сторону мейнстрима англо-американской политической философии. К ним Кимлика относит теории феминизма, основу которых составляют парадигмы психоанализа и постструктурализма. В дру-

гих исследованиях данные теории обозначаются как радикальный феминизм и феминистский постмодернизм [6; 23, с. 53-67].

Дискурсивный подход. У истоков методологии философско-политического дискурс-анализа стояли французские постмодернисты Мишель Фуко, Жан Бодрийяр, Жак Деррида, Ролан Барт, Жан-Франсуа Лиотар¹. В настоящее время постмодернистскую традицию критического дискурсивного подхода к проблематике и концепциям современной политической философии продолжают Эрнест Лакло, Шанталь Муфф, Славой Жижек, Джон Грей, а также представители феминистского направления в политической теории Джудит Батлер, Крис Уидон и др.

Политический постмодернизм представляет собой критическую философскую рефлексию относительно дискурса либерализма, который господствует в современной политической философии. Критический анализ дискурса либерализма начинается с критики проекта Просвещения [9], в основе которого лежат принципы рационализма, логоцентризма, прогрессизма, универсализма. Дискурсивное господство либерализма предполагается преодолевать посредством выработки альтернативных дискурсов, для которых характерен антилогоцентризм, то есть отказ от иерархизма и бинарной ассиметрии в моделировании политических реалий.

В феминистском дискурс-анализе политической философии антилогоцентризм проявляется в критическом подходе к разнообразным моделям устройства государства и гражданского общества, в которых одни политические субъекты доминируют над другими, что выступает основой для оправдания разного рода дискриминаций (дискриминация населения «бедных» государств, дискриминация национальных, этнических, религиозных и сексуальных меньшинств, гендерные и расистские дискриминации). В качестве альтернативной модели политического управления, как правило, предлагается *сетевой принцип* организации государственной и общественной жизни, отвергающий не только иерархизм, но и централизм во всех разнообразных формах своего проявления.

В политической теории феминизма модели политического централизма и доминирования рассматриваются как проявление «патриархата», сутью которого выступает иерархический контроль в пространстве и времени Мужчины – главы Семьи. В обществе на протяжении тысячелетий, согласно версии феминизма, существовало нормативно-гарантированное согласие в отношении мужского доминирования и женского подчинения.

¹ Политико-философские идеи Жан-Франсуа Лиотара (1924–1998) рассматриваются в работе Л.В. Сморгунова «Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация». М.: Российская полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 94-101.

Центральное место в феминистской критике господствующих воззрений на политическую власть занимает концепция обретения/осознания силы (empowerment). Мужчины, утверждая феминистки, видят власть, как власть над (power over), в то время как женщины видят ее как обретение/осознание силы для (empowerment to).

В феминистском дискурсе-анализе подчеркивается различие между термином «empowerment», который включает стратегию убеждения, и термином «authority» (власть). За последнее десятилетие были опубликованы многочисленные книги и статьи, дающие феминистскую интерпретацию политики обретения/осознания силы (politics of empowerment) [26, p. 377-380].

Представители феминизма обнаруживают доминирование мужского дискурса в составлении текстов и программ по политической философии. Согласно их позиции, женщины долгое время оставались бессловесными, будучи исключенными даже из словаря политической философии. Вместе с актуализацией категории гендера в сферу интересов философских и политических наук был включен комплекс тем, посвященных интеллектуально-политическому участию женщин.

Феминистская трансформация дискурса политической философии началась с переформулировки и введения новых исследовательских задач. Например, был сделан вызов конвенциональным определениям политики, поставлен вопрос, каким образом гендер конструирует женский философско-политический опыт и как этничность, раса, классовый интерес в сочетании с гендерной принадлежностью влияют на политические действия и политическое сознание. Стали анализироваться взаимоотношения между женской политической практикой и политической теорией.

Одним из направлений преодоления господства мужского политического дискурса стал амбициозный проект ревизии всей истории политической философии от Платона до Хабермаса [24].

В основе феминистской критики философско-политического дискурса известных мыслителей прошлого и современности лежит идея о том, что дискурс подавляющего большинства политических теорий является следствием патриархального конструирования основных категорий. Так, например, понятие «политическое» конструируется через исключение женщин и всего того, что является феминностью и женским телом. «Качества, присущие мужчинам, и политика идут рука об руку, а все, что противоположно и противопоставлено политической жизни и политическим добродетелям, всегда было представлено женщинами ...» [24, с. 14]. В связи с этим в качестве одной из важнейших задач, стоящих ныне перед теоретиками феминизма, является задача переинтерпретации философско-политических текстов с позиций гендерного подхода в целях превращения теории демократии в теорию подлинного политического и гражданского равенства [24, с. 23-24].

Структурно-философский подход к предмету политической философии нашел свое отражение в ряде учебных курсов по политической философии, которые читаются сегодня в вузах России. Данный подход детально изложен в работах А.С. Панарина [19], И.А. Василенко [7], а также в наших публикациях [20, с. 49-51; 21, с. 212-229].

Суть подхода состоит в том, что проблемно-тематическое поле политической философии разделяется на несколько отраслевых компонентов, сходных с принятой в России структурализацией предмета философии и смежных с нею дисциплин (например со структурой философии истории).

В соответствии с данным подходом выделяются следующие подразделы политической философии: политическая онтология, политическая эпистемология, политическая антропология, политическая аксиология, политическая праксеология.

Каждая из перечисленных отраслей современной политической философии представляет собой динамично развивающуюся систему концептов, проблем и категорий.

Рассмотренные нами подходы к предметной области политической философии, конечно же, не изолированы друг от друга. В конкретных текстах мы можем обнаружить сочетание сразу нескольких представленных трактовок предмета данной отрасли знания. Это не означает, что их авторы были методологически непоследовательны. Это значит, что только в комплексе разнообразные видения предмета политической философии могут дать о нем более или менее целостное представление.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева Т.А. Что такое политическая философия? Статья вторая // Политика, 2004. № 1(32). С. 149-169.
2. Алексеева Т.А. Политическая философия: от концепций к теориям: Учеб. пособие. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. 397 с.
3. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина; Под ред. Д.М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
4. Бенетон Ф. Введение в политическую науку / Пер. с фр. М.: Изд-во «Весь мир», 2002. 368 с.
5. Берлин И. Философия свободы. Европа / Предисловие А.Эткинда. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 122-185.
6. Брайсон В. Политическая теория феминизма / Пер. с англ. О. Липовкой и Т. Липовской. М.: Идея-Пресс, 2001. 304 с.
7. Василенко И.А. Политическая философия. Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2004. 240 с.

8. *Ганнел Джон*. Политическая теория: эволюция дисциплины // Политическая теория в XX веке: Сб. статей / Под ред. А. Павлова. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 41-64.
9. *Грей Джон*. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ. Л.Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М.С. Фетисова и др.; Под об. ред. Г.В. Каменской. М.: Праксис, 2003. 368 с.
10. *Даль Роберт Алан*. Политическая теория: истина и последствия // Политическая теория в XX веке: Сб. статей / Под ред. А. Павлова. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 137-155.
11. *Джермино Данте*. Возрождение политической теории // Политическая теория в XX веке: Сб. статей / Под ред. А. Павлова. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 336-363.
12. *Дойч Карл*. О политической теории и политическом действии // Политическая теория в XX веке: Сб. статей / Под ред. А. Павлова. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 156-192.
13. *Истон Дэвид*. Упадок современной политической теории // Политическая теория в XX веке: Сб. статей / Под ред. А. Павлова. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 195-218.
14. *Коббан Альфред*. Закат политической теории // Политическая теория в XX веке: Сб. статей / Под ред. А. Павлова. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 219-236.
15. *Макаренко В.П.* Аналитическая политическая философия. М.: Праксис, 2002. 416 с.
16. *Макаренко В.П.* Политическая концептология: обзор повестки дня. М.: Праксис, 2005. 368 с.
17. *Манан П.* Общедоступный курс политической философии. (Pierre Manent. Course familier de la philosophie politique. Paris. Fayard, 2001). М.: Московская школа политических исследований, 2004. 336 с.
18. *Миллер Дэвид*. Политические учения: краткое введение / Пер. с англ. В. Кушганиной. М.: Астрель; АСТ, 2007. 189 с.
19. *Панарин А.С.* Философия политики. Учеб. пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. М.: Новая школа, 1996. 424 с.
20. *Пятигорский А.* Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций. М.: Изд-во «Европа», 2007. 152 с.
21. *Русакова О.Ф.* Проблема дисциплинарного позиционирования политической философии // Взаимодействие политической науки с органами государственной власти в формировании политических процессов в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах. Ч. 1. Екатеринбург, 2002. С. 44-51.
22. *Русакова О.Ф.* Прологомены к теории дискурса современной политической философии и роль масс-медиа в формировании новых идеологий // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 6. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. С. 212-229.
23. *Тинер Дж. Энн*. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / Пер. с англ.; Под ред. Д.И. Польшянского. М.: Культурная революция, 2006. 336 с.

24. Феминистская критика и ревизия истории политической философии / Сост. М.Л. Шенли, К. Пейтмен // Пер. с англ.; Под ред. Н.А. Блохиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 400 с.

25. *Штраус Лео*. Введение в политическую философию / Пер. с англ. М. Фетисова. М.: Логос; Праксис, 2000. 364 с.

26. *Kymlicka W.* Contemporary Political Philosophy. An Introduction. Second ed. Oxford: University Press, 2000. 497 p.

RESUME

Olga Fredovna Rusakova, Doctor of political science, full professor, head of Philosophy Division, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 251-70-58 rusakova_mail@mail.ru

Contemporary interpretations of the subject sphere of political philosophy: methodological analysis

The author analyzes the following methodological approaches toward the subject of political philosophy: positivistic, values-based, deontological, conceptological, multiparadigmatic, discursive, structural-philosophical.

Subject sphere, political philosophy, positivism, values-based approach, deontological approach, concept, concept-sphere, paradigm, discourse, feminist theory.

Материал поступил в редколлегию 19.05.2009 г.